

Алекс Фриман

Однажды у психолога

Алекс Фриман

Однажды у психолога

«Автор»

2026

Фриман А.

Однажды у психолога / А. Фриман — «Автор», 2026

Что происходит с любовью, когда заканчиваются слова? Шаг за шагом психолог вскрывает слои обид, невысказанных ожиданий, детских травм и семейных сценариев, которые привели двух любящих людей к холодной войне. Анна и Дмитрий учатся слышать не только слова, но и то, что стоит за ними. Они учатся говорить «я чувствую» вместо «ты всегда», просить, вместо того, чтобы требовать и прощать — не потому что должны, а потому что хотят. «Однажды у психолога» — это глубокий и пронзительный роман о том, как хрупка и одновременно сильна любовь. О том, что семья не разваливается в один день — она трещит годами и точно так же, по кирпичику, её можно восстановить. Это история для каждого, кто когда-либо любил, ошибался, молчал и боялся начать разговор. История о том, что иногда самый важный шаг — это шаг в кабинет, где тебя выслушают и помогут.

© Фриман А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Роман	5
Глава 1. Чашка, которая разбила брак	6
Глава 2. Анна. Как всё начиналось	11
Глава 3. Дмитрий. Мальчик, который не плакал	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Алекс Фриман

Однажды у психолога

Роман

Для кого эта книга:

- Для тех, кто состоит в отношениях и чувствует, что-то идёт не так.
- Для тех, кто прошёл через кризис и хочет понять, что произошло.
- Для тех, кто верит, что любовь — это не только чувство, но и ежедневный труд.
- Для всех, кому интересна психология отношений и живые человеческие истории.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «ДО»

Глава 1. Чашка, которая разбила брак

Понедельник, 7:14 утра.

Анна стояла на кухне, прислонившись бедром к краю столешницы и смотрела, как в турке медленно поднимается кофейная пенка. За окном моросил ноябрьский дождь — мелкий, упрямый, какой бывает только в конце осени. Серое небо давило на город, как мокрое одеяло. Анна не любила ноябрь. В ноябре всё казалось тяжелее: работа, разговоры и даже собственные мысли.

Она бросила взгляд на часы. Маша должна была встать пять минут назад. Опять придётся будить, опять придётся уговаривать, опять придётся напоминать, что зубная щётка — не враг, а друг. Анна поставила турку на плиту и пошла в детскую.

Дверь в комнату дочери была приоткрыта. Маша спала, раскинувшись на кровати, как морская звезда: одна рука свисала до пола, одеяло сползло на ковёр, наволочка с единорогом сбилась в комок. Анна улыбнулась — впервые за утро. Она присела на край кровати и тихо погладила дочь по волосам.

— Машенька, солнышко, пора вставать.

Маша что-то пробормотала, перевернулась на другой бок и натянула одеяло на голову. Анна вздохнула. В этом ребёнке было всё — её упрямство и его способность уходить в себя. Иногда Анна смотрела на дочь и видела Дмитрия: та же привычка молчать, когда что-то не так, та же сосредоточенность, то же выражение лица, когда она думает о чём-то своём. Это одновременно умиляло и пугало.

— Маша. Пять минут, иначе опоздаем и я не буду опять писать записку, что ты проспала.

Одеяло зашевелилось, из-под него показалась взлохмаченная голова.

— Ещё одну минуточку, — прошептала Маша.

— Одну, — согласилась Анна. — Но потом — подъём. Договорились?

— Договорились.

Анна вернулась на кухню. Кофе уже поднялся и она сняла турку с огня. На плите стояла вчерашняя кастрюля с гречкой, которую она так и не убрала в холодильник. Анна посмотрела на неё и почувствовала укол раздражения — не на кастрюлю, а на себя. Она всегда всё делает вовремя, всегда всё успевает, всегда держит дом в порядке. Ну, почти всегда. В последнее время «почти» стало её постоянным спутником.

Она налила кофе в две чашки — одну для себя, одну для Дмитрия. Поставила на стол. Потом машинально взяла его чашку и посмотрела на неё: синяя, с потёртой надписью «Лучший папа». Маша подарила её два года назад на день рождения. Дмитрий тогда улыбнулся — по-настоящему улыбнулся, — и Анна помнила этот момент. Теперь он пил из неё каждое утро, но улыбки уже не было.

Анна поставила чашку на место и пошла в спальню.

Дмитрий ещё спал. Он лежал на спине, лицом к потолку, одна рука закинута за голову. Одеяло было аккуратно подтянуто до груди — он всегда спал аккуратно, даже во сне не позволял себе лишнего движения. Анна постояла в дверях, глядя на него. Когда-то она любила смотреть, как он спит. Ей казалось, что в эти минуты он особенно беззащитный. Теперь она смотрела и не чувствовала ничего. Пустота. Гладкая, ровная, как стекло.

— Дима. Семь двадцать.

Он открыл глаза сразу — как будто и не спал. Дмитрий всегда просыпался мгновенно, без перехода, без потягиваний. Анна когда-то думала, что это признак сильного характера. Теперь понимала: это признак человека, который никогда не расслабляется по-настоящему.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе.

Он сел на кровати, провёл ладонью по лицу. Анна уже вышла из комнаты. На кухне она услышала, как он идёт в ванную. Кран, зубная щётка, душ — его утренний ритуал занимал ровно семнадцать минут. Она знала это по минутам. Раньше она знала, что он скажет за завтраком, какую шутку отпустит, когда поцелует её на прощание. Теперь она знала только время его утренних ритуалов.

Маша выползла из своей комнаты через десять минут — на четыре минуты позже договорённого. Волосы были завязаны в хвост, но криво. Форма сидела как-то перекошено. Анна вздохнула и поправила ей воротник.

— Ты ела вчера?

— Да, мам. Ну, мам. Ну, я нормально выгляжу.

— Хвост переделай. Косичка ровнее будет.

— Мам!

— Маша.

Дочь закатила глаза — этот жест она явно подсмотрела у кого-то в классе — и пошла переделывать хвост. Анна налила ей какао. Она не помнила, когда Маша перестала пить чай и пересела на какао, но это была её маленькая традиция — перед школой выпить чашку какао и рассказать, что снилось. Иногда Маша рассказывала что-то смешное. Иногда просто молчала. Сегодня она молчала.

Дмитрий вышел из ванной, одетый в серую рубашку и тёмные брюки. Он выглядел так, как выглядел всегда — собранный, аккуратный, немного уставший. Он сел за стол и взял свою чашку.

— Спасибо, — сказал он.

— Пожалуйста.

Это был весь их разговор. Два слова. Двенадцать лет брака — и два слова.

Анна села напротив, обхватила ладонями свою чашку и посмотрела на мужа. Дмитрий пил кофе и смотрел в телефон. На экране мелькали уведомления: почта, мессенджеры, новости. Анна не знала, что именно он читает. Она не знала, о чём он думает. Она не знала, кто он теперь.

Она вспомнила, как они познакомились. Это было на дне рождения Лены, их общей подруги. Дмитрий стоял у окна, с бокалом в руке и смотрел на улицу. Он не участвовал в общем веселье, не танцевал, не шутил. Анна тогда подумала: «Какой странный и какой спокойный». Она подошла к нему, спросила, почему он не танцует. Он ответил: «Я не умею». Она сказала: «Научим». Он улыбнулся — уголками губ, — и она почувствовала, как что-то внутри неё отозвалось. Это была не искра, как в кино. Это было тепло, как от печки в холодный вечер.

Они говорили тогда три часа. О книгах, о музыке, о том, кем хотели бы стать, если бы не стали теми, кем стали. Дмитрий оказался начитанным, внимательным, немного застенчивым. Он держал её за руку — впервые за вечер — и его ладонь была тёплой и сухой. Анна помнила, как подумала: «С ним спокойно, с ним можно жить».

Она не знала тогда, что это же спокойствие превратится в тишину. Что «можно жить» — не то же самое, что «хочется жить». Что человек, который не умеет танцевать, может не уметь и разговаривать.

— Ты сегодня во сколько? — спросил Дмитрий, не отрываясь от телефона.

— В семь, наверное. У меня встреча после работы.

— Хорошо.

— Заберёшь Машу из школы?

— Да.

— Не забудь, у неё сегодня рисование до пяти.

— Помню.

Анна не помнила, когда их разговоры стали похожи на протоколы совещаний. Кто забирает ребёнка, кто покупает продукты, кто оплачивает счета. Она не помнила, когда они в последний раз говорили о чём-то, что не касалось логистики. О чём-то, что касалось их.

Дмитрий допил кофе, встал, поставил чашку в раковину. Анна поморщилась — она не выносила, когда посуду ставили в раковину вместо посудомоечной машины. Она говорила ему об этом сотню раз. Он забывал или не хотел помнить. Это была одна из тех мелочей, которые сами по себе ничего не значат, но в сумме складываются в стену.

— Я пошёл, — сказал он.

— Пока.

Он подошёл к Маше, поцеловал её в макушку. Она что-то пробормотала, потом он подошёл к Анне. Она подставила щёку — машинально, как делала тысячу раз. Он коснулся её губами — сухо, быстро, почти формально. И вышел.

Дверь закрылась. Анна осталась на кухне одна.

Она сидела и смотрела на свою чашку. Кофе остыл, но она всё равно пила — маленькими глотками, без вкуса. Мысли текли вяло, как дождь за окном. Она думала о том, что сегодня вторник, что на работе будет отчёт, что Маше надо купить новую тетрадь по математике. Она думала о том, что у неё заканчивается шампунь. Она думала о том, что уже год не была в парикмахерской. Она думала о том, что когда-то у неё были планы, мечты, желания. Теперь у неё был список дел.

Маша вышла из комнаты, одетая, с портфелем.

— Мам, я готова.

— Пойдём.

Они вышли из дома, дождь усилился. Анна раскрыла зонт и Маша прижалась к её боку. Они шли к школе молча. Анна смотрела на мокрый асфальт, на отражения фонарей, на людей, которые спешили мимо. Ей казалось, что она идёт по дну аквариума — всё вокруг движется, а она стоит на месте.

— Мам, — сказала Маша.

— Что?

— А вы с папой разведётесь?

Анна остановилась. Сердце пропустило удар. Она посмотрела на дочь — на её серьёзное лицо, на её глаза, в которых было столько взрослого, что Анне стало страшно.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто. Вы не разговариваете. И папа вчера спал на диване.

Анна присела на корточки, чтобы быть с дочерью на одном уровне. Она взяла её за руки.

— Машенька, у папы и мамы бывают трудные периоды. Это нормально. Мы... мы работаем над этим.

— Как это — работаете?

— Ну... мы стараемся понять друг друга. Иногда это сложно. Но мы тебя очень любим. И это никогда не изменится.

Маша кивнула, но в её глазах осталось сомнение. Анна обняла её — крепко, может быть, слишком крепко. Она почувствовала, как изнутри поднимается что-то горячее, что-то похожее на панику. Она не хотела, чтобы Маша росла в семье, где родители молчат. Она сама выросла в такой семье. Она помнила, как сидела в своей комнате и слушала тишину в гостиной, которая была хуже любого скандала. Она помнила, как мама плакала на кухне, когда думала, что Анна спит. Она помнила, как поклялась: «У меня так не будет».

И вот — было.

Она довела Машу до школы, поцеловала её на прощание, постояла у ворот, пока дочь не скрылась в дверях. Потом медленно пошла к метро. Дождь заливал зонт, ветер вырывал его

из рук. Анна не замечала. В голове крутилась одна и та же мысль: «Разведётесь? Разведётесь? Разведётесь?»

Вечером всё повторилось. Она вернулась домой в семь, уставшая, с тяжёлой головой. Дмитрий уже был дома — сидел на кухне с ноутбуком, что-то печатал. Маша делала уроки в своей комнате. Анна прошла в спальню, переоделась, умылась. Потом вышла на кухню и начала готовить ужин.

Она открыла холодильник, достала курицу, овощи. Поставила сковороду на плиту. Дмитрий продолжал печатать. Анна резала лук и слёзы текли по щекам — от лука, конечно, от лука. Она резала морковь, кабачки. Она думала о том, что когда-то они готовили вместе. Он мыл овощи, она резала. Он включал музыку — что-то старое, джазовое, — и они танцевали на кухне, между плитой и столом. Маша была ещё маленькой, сидела в стульчике и смеялась. Тогда Анна думала: «Вот оно счастье».

Теперь она резала овощи одна. Дмитрий печатал. Маша делала уроки. В квартире было тихо. Только звук ножа по доске, стук клавиш и где-то далеко — телевизор у соседей.

Анна приготовила ужин, позвала Машу и Дмитрия. Они сели за стол. Ели молча. Маша рассказывала что-то про контрольную по русскому, но никто её не слушал. Дмитрий смотрел в телефон, Анна смотрела в тарелку.

После ужина, Маша ушла в свою комнату, Анна начала мыть посуду. Дмитрий сидел за столом, всё ещё с ноутбуком. Анна мыла чашки — те самые, синюю и белую. Она мыла их медленно, тщательно, как будто от этого зависело что-то важное.

Потом она взяла чашку Дмитрия — ту самую, с надписью «Лучший папа» — и поставила её на сушилку. Чашка покачнулась и упала. Раздался звон. Синие осколки разлетелись по полу.

Дмитрий поднял голову.

— Ты в порядке?

— Да, — сказала Анна. — Просто чашка.

Она наклонилась, чтобы собрать осколки. И вдруг почувствовала, как что-то внутри неё ломается. Не чашка, что-то другое. Что-то, что она держала вместе двенадцать лет.

— Просто чашка, — повторила она. — Просто ещё одна чашка.

Дмитрий посмотрел на неё. В его глазах было что-то — может быть, вопрос, может быть, тревога. Анна не знала, она больше не умела предугадывать его мысли.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он.

— Ничего, — сказала Анна. — Ничего. Я устала.

Она выбросила осколки в мусорное ведро. Потом вымыла руки и пошла в гостиную. Села на диван, включила телевизор. На экране мелькали лица, звучали голоса, но она их не слышала. Она смотрела в экран и думала о том, что её жизнь превратилась в набор ритуалов. Утренний кофе. Дорога на работу. Вечерний ужин. Молчание. Сон. И снова утро.

Дмитрий остался на кухне. Она слышала, как он закрыл ноутбук, как встал, как пошёл в спальню. Потом — тишина. Он не подошёл к ней. Не спросил, что случилось. Не обнял.

Анна просидела на диване до полуночи. Потом встала, пошла в ванную, почистила зубы. Посмотрела на себя в зеркало. Уставшее лицо. Морщинки у глаз. Потухший взгляд. Она не узнавала эту женщину.

«Кто ты? — спросила она себя. — Что ты сделала со своей жизнью?»

Ответа не было.

Она легла в гостиной, на диване. Укрылась пледом. Долго смотрела в потолок. Потом взяла телефон. Открыла браузер. Набрала: «семейный психолог». Выбрала первую ссылку. Сайт был простой: фотография женщины лет пятидесяти, тёплые глаза, мягкая улыбка. «Ирина Валерьевна. Семейный психолог. Помогаю парам найти друг друга».

Анна смотрела на эту фотографию долго. Потом её палец завис над кнопкой «Записаться».

Она не нажала.

Она отложила телефон, закрыла глаза и попыталась уснуть. Но сон не шёл. В голове крутились мысли, одна за другой. «А если это не поможет? А если он не захочет? А если я не захочу? А если уже поздно?»

Она повернулась на бок, подтянула колени к груди. Как в детстве. Когда мама плакала на кухне, а она лежала в своей комнате и представляла, что она — маленький зверёк в норке. Тёплой, безопасной норке, где никто не может её достать.

Только норка давно опустела.

Утром Анна проснулась от того, что Дмитрий варил кофе. Она услышала, как он открыл шкафчик, как достал турку, как включил воду. Она лежала на диване, укрытая пледом и слушала эти звуки. Обычные звуки. Утренние звуки. Звуки их жизни.

Она встала, сложила плед, пошла на кухню. Дмитрий стоял у плиты. Он обернулся.

— Доброе утро.

— Доброе.

Она села за стол. Он поставил перед ней чашку. Белую. Её чашку. Она взяла её в руки, почувствовала тепло. Посмотрела на Дмитрия. Он смотрел на неё.

— Дима, — сказала она.

— Что?

— Я записалась к психологу.

Он замер. Потом медленно кивнул.

— Хорошо.

— Хорошо? — переспросила она.

— Хорошо, — повторил он. — Я пойду.

Анна опустила глаза. В горле стоял комок. Она не знала, что чувствует — облегчение, страх или что-то другое. Но одно она знала точно: она сделала первый шаг. Дальше будет видно.

Она отпила кофе. Он был горячим, крепким, немного горьким. Как их жизнь.

За окном всё ещё шёл дождь. Но где-то в глубине серого неба, за тучами, Анна чувствовала — или хотела чувствовать — что скоро выглянет солнце.

Она не знала, что будет дальше. Она не знала, поможет ли этот психолог. Она не знала, смогут ли они с Дмитрием найти и понять друг друга снова.

Но она знала, что попробует.

И этого было достаточно, чтобы начать.

Конец первой главы.

Глава 2. Анна. Как всё начиналось

Четырнадцать лет назад. Май.

Анне было двадцать три и она умела ждать.

Она ждала автобус на остановке под козырьком, потому что дождь лил стеной, а зонта у неё не было — она забыла его дома, в прихожей, рядом с ключами, которые тоже чуть не забыла. Она ждала свою лучшую подругу Лену, которая опаздывала уже на двадцать минут. Она ждала, когда жизнь начнёт наконец происходить — по-настоящему, а не вот это всё: университет, съёмная комната с обоями в цветочек, работа в маленьком издательстве за зарплату, которой хватало на еду и метро.

Анна умела ждать, её научила мама.

Мама ждала отца двадцать лет. Сначала — когда он уходил в ночные смены. Потом — когда он уходил к другой. Потом — когда он ушёл навсегда, оставив после себя запах табака в коридоре и дырку от гвоздя, на котором висело его пальто. Мама ждала его даже после того, как развод был оформлен. Она ждала, что он вернётся. Она ждала, что он позвонит. Она ждала, что он вспомнит про день рождения Анны. Он не звонил. Не возвращался. Не вспоминал.

Анна выросла в доме, где ждали. Где женщины терпели. Где говорили: «Ну что ты хочешь, он же мужчина». Где плакали в подушку, чтобы никто не слышал. Где учили: «Главное — чтобы семья была. А любовь... любовь — это всё в книжках».

Она не хотела так. Она клялась, что у неё будет по-другому. Но она не знала, как. У неё не было примера. Только мамино терпение и мамино молчание. И ещё — бабушкино: «Мужчина — голова. Женщина — шея. Куда шея повернёт, туда голова и смотрит». Анна не хотела быть шеей. Она хотела быть равной. Но она не знала, как это — быть равной. Она умела только подстраиваться.

Дождь усилился. Анна прижалась к стене остановки, обхватила себя руками. Ветер задувал под куртку, она поёжилась. Май в этом году был холодный. Или это ей так казалось — потому что внутри тоже было холодно.

Лена появилась через полчаса, запыхавшаяся, с двумя стаканами кофе.

— Прости! Пробки! — она сунула один стакан Анне. — Держи. Я знала, что ты замёрзла.

Анна взяла кофе. Горячий пластик обжёг ладони и это было приятно. Она сделала глоток. Сладкий, с молоком. Как она любила.

— Куда мы идём? — спросила Анна.

— К Максy. Помнишь Макса? С работы. У него день рождения.

— Я не знаю Макса.

— Ну и что? Познакомишься. Там будут люди. Много людей. Тебе надо выбирать из своей конуры, Аня. Ты в последнее время как монашка. Работа, дом, работа, дом. Тебе двадцать три, а не семьдесят три.

Анна вздохнула. Лена была права. Она всегда была права — громкая, уверенная, с красной помадой и вечным «всё будет офигенно». Лена не ждала. Лена брала. Анна завидовала ей — тихо, по-доброму, но завидовала.

Они поехали на метро, потом шли пешком через дворы. Дождь закончился так же внезапно, как и начался. Небо посветлело, в лужах отражалось солнце. Анна шла и смотрела на эти отражения. Ей казалось, что если она наступит в лужу, то провалится в другое небо — чистое, тёплое, где всё по-другому.

Квартира Макса была на пятом этаже, без лифта. Анна поднималась по лестнице и слышала музыку — что-то громкое, басовитое. Лена шла впереди и что-то говорила, но Анна не слушала. Она думала о том, что сейчас войдёт в незнакомую квартиру, где будут незнакомые

люди и ей придётся улыбаться, говорить ни о чём, делать вид, что ей весело. Она не хотела. Но Лена не приняла бы «нет».

Дверь открылась, их встретил шум, свет, запах духов и еды. Макс — круглолицый парень с бородой — обнял Лену, потом Анну. Анна не знала, куда деть руки. Она пробормотала поздравления, сунула бутылку вина, которую они купили по дороге и прошла вглубь квартиры.

Народу было много. Люди сидели на диванах, на полу, на подоконниках. Кто-то танцевал, кто-то спорил, кто-то смеялся. Анна взяла бокал, налила себе вина и встала у стены. Она всегда стояла у стены на вечеринках. Это было её место — безопасное, незаметное.

Она пила вино и смотрела на людей. Ей казалось, что она смотрит кино. Вот девушка в красном платье что-то громко рассказывает, размахивая руками. Вот парень с гитарой пытается настроить струны. Вот двое целуются в углу, думая, что их никто не видит. Анна смотрела и чувствовала себя чужой. Как будто она здесь случайно. Как будто она вообще в жизни случайно.

Потом она увидела его.

Он стоял у окна — один, с бокалом в руке. Высокий, в тёмной рубашке, с чуть растрёпанными волосами. Он не смотрел на людей. Он смотрел в окно — на улицу, на дома, на небо. Как будто там было что-то важнее, чем здесь.

Анна смотрела на него и чувствовала что-то странное. Не искру, не бабочек в животе. Что-то другое. Спокойное. Как будто она нашла в шумной комнате тихий уголок. Как будто он был этим уголком.

Она не знала, сколько времени прошло. Может, минута. Может, пять. Потом он обернулся — медленно, как будто почувствовал её взгляд. Их глаза встретились. Он не улыбнулся. Не отвёл взгляд. Просто смотрел. И она смотрела.

Потом он поднял бокал — чуть-чуть, едва заметно, — как будто салютовал ей. Анна растерялась. Она не знала, что делать. Она отвернулась, сделала глоток вина, почувствовала, как горят щёки.

— Кто это? — спросила она Лену, которая проходила мимо.

Лена проследила за её взглядом.

— Это Димка. Друг Макса. Инженер какой-то. Тихий такой, знаешь. Неразговорчивый. Но нормальный. А что?

— Ничего, — сказала Анна. — Просто спросила.

Лена хитро прищурилась, но ничего не сказала. Ушла. Анна осталась стоять у стены, но теперь она смотрела не на людей. Она смотрела на окно. Или делала вид, что смотрит на окно. На самом деле она смотрела на него.

Он больше не оборачивался. Он стоял и смотрел в окно. И Анна думала: «О чём он думает? Что он там видит? Почему он один?»

Через какое-то время он отошёл от окна — Анна проводила его взглядом — и направился к балкону. Балкон был открыт и там было пусто. Анна подождала минуту, потом другую. Потом взяла свой бокал и пошла за ним.

Она не знала, зачем. Она вообще не была из тех, кто подходит к незнакомым мужчинам. Но что-то толкало её. Что-то говорило: «Иди. Просто иди».

Она вышла на балкон. Он стоял, облокотившись на перила, и смотрел на город. Анна остановилась в дверях. Она не знала, что сказать. Он обернулся.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — ответил он.

Голос у него был низкий, спокойный. Без эмоций. Как будто он говорил сам с собой.

— Ты не танцуешь, — сказала Анна.

— Я не умею.

— Научим.

Он посмотрел на неё — внимательно, как будто изучал. Анна почувствовала себя неуютно. Она уже пожалела, что пришла.

— Я Дмитрий, — сказал он.

— Анна.

Он протянул руку. Она пожала. Ладонь была тёплая и сухая. Крепкая. Анна не хотела отпускать.

— Ты тоже не танцуешь, — сказал он.

— Я тоже не умею.

— Тогда мы нашли друг друга.

Он улыбнулся — уголками губ, едва-едва. Но Анна увидела. И что-то внутри неё отозвалось. Тепло. Как от печки в холодный вечер.

Они стояли на балконе и говорили. Анна не помнила, как начался разговор. Помнила только, что говорила больше, чем обычно. О книгах. О музыке. О том, что она хотела бы стать писателем, но боится. О том, что её отец ушёл, когда ей было девять. О том, что она не верит в любовь, но хочет верить.

Дмитрий слушал. Не перебивал. Не давал советов. Просто слушал. И это было самое ценное — потому что Анна не помнила, когда её в последний раз слушали.

— А ты? — спросила она. — Ты веришь в любовь?

Он помолчал. Потом сказал:

— Я не знаю. Я не думал об этом.

— Как это — не думал?

— Ну... Я не думаю о том, во что верить. Я просто живу.

— И как?

— Нормально.

Анна засмеялась. Впервые за вечер — по-настоящему. Он посмотрел на неё с удивлением.

— Что?

— Ничего, — сказала она. — Ты странный.

— Я знаю.

— Это не плохо.

— Я знаю.

Они замолчали. Но это молчание не было неловким. Оно было тёплым. Как плед. Как чай. Как что-то, что не нужно заполнять словами.

Потом он сказал:

— Хочешь, пойдём отсюда?

— Куда?

— Не знаю. Просто пойдём. Здесь слишком шумно.

Анна посмотрела на него. Она не знала этого человека. Она знала его час. Может, два. Но она хотела пойти. Хотела уйти из этой квартиры, от этих людей, от этого шума. С ним.

— Хочу, — сказала она.

Они вышли тихо, не прощаясь. Спустились по лестнице. На улице было свежо. После дождя пахло мокрым асфальтом и сиренью. Анна вдохнула полной грудью. Ей казалось, что она впервые за долгое время дышит.

Они шли по улицам. Не разговаривали. Просто шли. Дмитрий держал руки в карманах. Анна — обхватила себя за плечи. Было прохладно. Он заметил.

— Замёрзла?

— Немного.

Он снял куртку и накинул ей на плечи. Куртка была большая, тёплая, пахла им. Анна утонула в ней. Ей стало тепло. Не только снаружи. Внутри тоже.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что.

Они дошли до остановки. Той самой, где Анна ждала Лену четыре часа назад. Теперь она стояла здесь с ним. И это было правильно.

— Тебе куда? — спросил он.

— Налево. А тебе?

— Направо.

Они стояли и смотрели друг на друга. Автобусы приходили и уходили. Люди садились и выходили. А они стояли.

— Я хочу тебя увидеть снова, — сказал Дмитрий.

Анна почувствовала, как сердце стало чаще биться.

— Я тоже.

Он кивнул. Потом наклонился и поцеловал её в губы. Мягко, нежно, немного неуклюже. Как будто он тоже не знал, как это делается. Как будто он тоже ждал.

Анна закрыла глаза. Дождь начался снова — мелкий, тёплый. Она не замечала. Она чувствовала только его губы, его руки, его тепло. И думала: «Вот. Вот оно. Я нашла».

Он отстранился. Посмотрел на неё.

— Завтра?

— Завтра, — сказала она.

Он улыбнулся — по-настоящему, широко. Впервые. И Анна поняла, что запомнит эту улыбку навсегда.

Она шла домой пешком, хотя могла поехать на автобусе. Ей хотелось идти. Хотелось чувствовать дождь, ветер, город. Хотелось, чтобы этот вечер не заканчивался.

Дома она села на кровать и открыла дневник. Тот самый, с потёртой обложкой, который она вела с четырнадцати лет. Она писала:

«Сегодня я встретила человека. Его зовут Дмитрий. Он странный, он даже не умеет танцевать. Он мало говорит. Но с ним спокойно, с ним тепло. Я не знаю, что будет дальше. Но я хочу, чтобы было. Впервые за долгое время я чего-то хочу».

Она закрыла дневник и легла спать. За окном шёл дождь. Она слушала его и улыбалась. Впервые за долгое время — просто так.

Она не знала, что будет через четырнадцать лет. Не знала, что они будут сидеть на разных концах дивана и молчать. Не знала, что она будет плакать на кухне, когда он не видит. Не знала, что будет думать о разводе.

Она знала только одно: сегодня она была счастлива.

И этого было достаточно.

Конец второй главы.

Глава 3. Дмитрий. Мальчик, который не плакал

Четырнадцать лет назад. Май. Тот же вечер.

Дмитрий вышел из автобуса на две остановки раньше, чем нужно. Ему хотелось идти пешком. Хотелось, чтобы дождь смыл с него этот вечер — шумный, душный, чужой. И одновременно хотелось сохранить его. Каждую секунду. Каждое слово. Её смех.

Он шёл по мокрому тротуару и думал о ней. Об Анне. О девушке, которая подошла к нему на балконе и сказала: «Ты не танцуешь». Он не знал, почему не оттолкнул её. Не знал, почему ответил. Не знал, почему поцеловал. Он вообще не был из тех, кто целует девушек на остановках. Он был из тех, кто стоит у окна и смотрит на улицу.

Но что-то в ней было. Что-то, что заставило его обернуться. Что-то, что заставило его пойти за ней. Что-то, что заставило его сказать: «Завтра?»

Он не знал, что это. Он вообще плохо разбирался в том, что чувствовал. Его этому не учили.

Дмитрий родился в семье, где чувства были запрещены. Не официально, конечно. Не было никакого списка правил на стене. Но он знал их наизусть. Не плачь. Не жалуйся. Не злись. Не показывай, что тебе больно. Не говори «я люблю». Не говори «мне страшно». Не говори ничего, что может быть использовано против тебя.

Его отец, Виктор Петрович, был военным. Не в смысле — служил в армии. А в смысле — вся его жизнь была подчинена порядку. Подъём в шесть. Зарядка. Душ. Завтрак. Работа. Ужин. Новости. Сон. Никаких отклонений. Никаких сюрпризов. Никаких эмоций.

Мать Дмитрия, Ольга Сергеевна, была учительницей. Тихая, уставшая, с вечно опущенными глазами. Она любила мужа — или думала, что любит. Она терпела. Как терпели все женщины в их роду. Как терпела её мать. Как терпела её бабушка.

Дмитрий помнил, как в детстве отец кричал на мать. За что-то мелкое — за пересоленный суп, за забытую рубашку, за то, что она не так посмотрела. Мать молчала. Всегда молчала. А потом шла на кухню и плакала — тихо, чтобы никто не слышал. Дмитрий слышал. Он лежал в своей комнате и слушал, как мать плачет. И ничего не мог сделать. Ему было пять. Потом семь. Потом десять. Он лежал и слушал. И учился молчать.

Однажды, когда ему было двенадцать, отец ударил мать. Не сильно — пощёчина. За то, что она перебила его при гостях. Мать вскрикнула. Дмитрий вскочил со стула. Отец посмотрел на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.